

Д.В. Иванов

Буддийские коллекции Кунсткамеры XVIII века

Данная работа завершает серию статей, посвященных восстановлению истории формирования буддийских коллекций Кунсткамеры [Иванов 2008, 2009]. Эти коллекции являются не только первыми буддийскими собраниями в России, но и одними из первых в мире.

Собирание буддийских коллекций было неразрывно связано со становлением отечественной науки, изучением Монголии, Тибета и буддизма в России. Хранящиеся в Музее антропологии и этнографии (МАЭ) РАН буддийские экспонаты обладают большой культурно-исторической ценностью и являются важным источником, позволяющим понять духовную культуру калмыков и бурят в XVIII в.

К сожалению, до недавнего времени большинство экспонатов МАЭ — премника старейшего музея России Кунсткамеры — оставались неатрибутированными, из-за реформ академических музеев в XIX в. была утрачена важная информация о времени и месте собирания предметов.

В настоящее время нам удалось полностью восстановить историю поступления буддийских культовых предметов в Кунсткамеру. Однако, прежде чем перейти непосредственно к истории формирования буддийского фонда Кунсткамеры XVIII в., необходимо рассмотреть историю появления Азиатского музея и Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН.

КУНСТКАМЕРА И АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ (ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ЭКСПОНАТОВ XVIII В.)

Еще в 1733 г. переводчик Коллегии иностранных дел Георгий Якоб Кер [1692–1740] предложил создать Академию или Общество восточных наук и языков в Российской империи [Тихонов 1973: 6–7]. В XVIII в. идея создания в России отдельного востоковедческого центра развития не получила и все

коллекции по культуре различных народов Азии поступали в Кунсткамеру, являвшуюся в это время и главным центром по изучению Востока. Возрождение идеи создания в России «Азиатской академии» приходится на начало XIX в. В 1810 г. граф С.С. Уваров, бывший в это время попечителем Петербургского округа и почетным членом Академии наук выступил с «Проектом Азиатской академии» [Тихонов 1973: 8].

В 1818 г., став президентом Императорской Академии наук, С.С. Уваров просил министра духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицына устроить при Кунсткамере особое отделение для восточных рукописей и предметов под названием «Восточный кабинет» и назначить хранителем этого «кабинета» известного востоковеда академика Х.Д. Френа.

Христиан Данилович (Христиан Мартин) Френ (1782–1851) образование получил в Ростокском, Геттингенском и Тюбингенском университетах. В 1807 г. возглавил кафедру восточных языков в Казанском университете, где преподавал арабский и персидский языки, а также занимался изучением восточной нумизматики [Кононов 1972: 5]. В 1815 г. Х.Д. Френ был избран деканом Историко-филологического факультета Казанского университета, а в 1817 г. он приехал в Петербург, где приступил к изучению нумизматических коллекций и восточных рукописей Кунсткамеры [Там же: 6].

Именно Х.Д. Френ предложил другое название для «Восточного кабинета» Кунсткамеры — «Азиатский музей» [Базиянц 1969: 16–17]. Так началась история «музея в музее». Под Азиатский музей было выделено помещение на первом этаже здания Кунсткамеры, и в него были переданы восточные рукописи, монеты, археологические предметы, а также коллекция калмыцких культовых предметов [Базиянц 1969: 18].

В 1837 г. был сформирован Этнографический музей, в который начали передаваться все предметы из Азиатского музея, кроме восточных рукописей и текстов. Из архивного журнала поступлений Музея антропологии и этнографии известно, что хранители А.Ф. Постельс и Е.И. Шрадер получили от академика Френа все предметы прежнего Азиатского музея, которые, согласно новому распределению, должны войти в состав Этнографического музея [Журнал поступлений 1837–1877: 2].

10 ноября 1879 г. было принято решение о создании Музея антропологии и этнографии на базе Этнографического и Анатомического музеев Императорской Академии наук [Решетов, Станюкович 1980: 6]. К сожалению, к концу XIX в. Музей антропологии и этнографии был самым заброшенным Академическим музеем [Петри 1911: 1]. Это не могло не сказаться на музейной документации, однако первый хранитель МАЭ Ф.К. Руссов на рубеже XIX–XX вв. знал о существовании в собраниях музея предметов, собранных Г.Ф. Миллером и П.С. Палласом в XVIII в. до Кунсткамеры [Russow 1900: 16–17].

О Федоре Карловиче Руссове (1826–1906) — первом хранителе МАЭ — необходимо сказать особо. Ф.К. Руссов в 1842 г. окончил юридическое отделение Петербургского университета. С 1886 по 1899 г. заведовал отделом гравюр и рисунков Эрмитажа. С 1865 по 1905 г. он являлся также сотрудником Этнографического музея (с 1879 г. Музей антропологии и этнографии Академии наук) [Шафрановская 1980: 224]. Ф.К. Руссов составил в 1891 г. путеводитель по МАЭ [Руссов 1891] и опубликовал очень важную работу по истории МАЭ [Russow 1900]. Эта работа своего рода «мостик», соединяющий нас с более ранними

работами о Кунсткамере [Бакмейстер 1779; Беляев 1800]. Так, в 1800 г. Осип Петрович Беляев¹ пишет про собрание «82 мунгальских и калмыцких медных вызолоченных, внутри пустых бурханов или идолов, которые куплены в 1770 году за 1030 рублей и кои как своей редкостью, так и изъяснением знаменитого тибетского богослужения заслуживают примечания зрителей» [Беляев 1800: 151], а в 1900 г. Ф.К. Руссов отмечает, что основа буддийских собраний Академии, была положена Палласом, который приобрел «ламаистскую» скульптуру у казачьего атамана в Яицком городке [Russow 1900: 17].

В начале XX в. в Музее антропологии и этнографии Б.Ф. Адлером была зарегистрирована коллекция № 719, описанная как монгольская коллекция предметов культа, поступивших в 1837 г. из Азиатского музея.

В опись были вложены списки Азиатского музея, но в них информация о собирателях, кроме Г. Эриха, приславшего шесть экспонатов, была опущена. Эта информация не вошла и в опись коллекции № 719. С этого момента имена собирателей, точное место приобретения экспонатов и дата изначального поступления в Кунсткамеру были фактически утрачены. Экспонатов, собранных Г.Ф. Миллером, в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН больше не числилось совсем, а среди буддийских коллекций только одна (№ 741) была описана как поступившая от П.С. Палласа. Причем эта коллекция была сформирована не в XVIII в., а только в начале XX в. Экспонаты были атрибутированы на основании старых этикеток с надписью «Pallas-Vuyat». Изначально коллекция включала шесть предметов (шапки ламские). В 1983 г. три предмета (мантия для богослужения, куртка ламская и юбка ламская) были переданы в Музей религии и атеизма. В настоящее время в коллекции № 741 числятся всего три предмета (шапки ламские). Никакой буддийской скульптуры, о которой писали О.П. Беляев и Ф.К. Руссов, в этой коллекции нет. Эти предметы вошли в состав коллекции № 719, потеряв свою первоначальную атрибуцию.

В 1979 г. Л.Л. Викторова перерегистрировала коллекцию № 719 и внесла уточнения, касающиеся атрибуции некоторых экспонатов. Л.Л. Викторова указала, что на некоторых предметах имеются этикетки Кунсткамеры, однако информация о собирателях, времени поступления предметов в Кунсткамеру и месте сбора экспонатов установлена не была [Викторова 1987: 104]. Для того чтобы восстановить эту информацию, необходимо обратиться к источникам, имеющимся в нашем распоряжении. Этих источников немного, но они позволяют восстановить картину передвижения экспонатов.

Большое значение для атрибуции экспонатов XVIII в. имеют старые этикетки Императорской Кунсткамеры. Для нумерации экспонатов в Кунсткамере пользовались номерами, отпечатанными в академической типографии [Станюкович 1953: 156]. Кроме номерных этикеток на предметах встречаются также и текстовые этикетки, которые могут содержать информацию о собирателе, а иногда и название предмета.

На значение этикеток как важнейшего источника по истории формирования коллекций обратили внимание еще в начале XX в., когда именно на основании этикеток была сформирована коллекция № 741, о которой говорилось выше. Позднее к этикеткам как к ценному источнику обращались неодно-

¹ Осип Петрович Беляев (ок. 1763–1807) — поэт, писатель, преподаватель. С 1797 г. унтер-библиотекарь Библиотеки Академии наук.

кратно [Ксенофонтова, Решетов 1980: 133; Викторова 1987: 104; Иванова 2005: 56–62; Белков 2006: 60, 2007: 52–53; Корсун 2007: 104–128].

Другим важным источником является Описание Азиатского музея. Списки вещей из Азиатского музея, относящиеся к буддийским коллекциям, разделены на две статьи: статью VI и статью VII. Статья VI озаглавлена «Мунгальские и калмыцкие бурханы или идолы и другия принадлежащие к их идолослужению вещи», а статья VII — «Вещи к мунгальскому и калмыцкому идолослужению принадлежащие». Необходимо отметить, что вся статья VI написана чернилами, а в статье VII чернилами написаны только первые 20 наименований. Позднее, как мы предполагаем, что в период с 1818 по 1837 гг., когда экспонаты находились в Азиатском музее, статья VII была продолжена, но уже карандашом.

Ниже, в разделах, посвященных собирателям, мы рассмотрим принцип, по которому предметы были распределены по этим двум статьям.

Для нас важно отметить, что на полях списков Азиатского музея имеются пометки, сделанные синим карандашом. Эти пометки включают номер предмета и знак в виде косоугольного креста. Как установила Л.А. Иванова, пометки в виде косоугольного креста делались Ф.К. Руссовым [Иванова 2007: 22]. Эти пометки позволяют точно соотнести старые номера с современными номерами МАЭ.

Этикетки и Описание Азиатского музея — это единственные документы, которые сохранились непосредственно с XVIII — начала XIX в.

В отделе учета и хранения МАЭ имеются старые книги, списки и журналы, имеющие архивные номера. В этих книгах и журналах предположительно в начале XX в. были зафиксированы даты поступления экспонатов и основные музейные события XVIII–XIX вв. Эти архивные книги оказывают большую помощь при атрибуции предметов XVIII в.

В XVIII в. было опубликовано несколько работ, посвященных Кунсткамере — это первый каталог Кунсткамеры [Musei... 1741–1745], «Палаты Санкт-Петербургской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры» [Палаты... 1741], работы И. Бакмейстера [Бакмейстер 1779] и О.П. Беляева [Беляев 1800].

Наконец, важнейшим источником являются работы самих путешественников-собирателей. Большое значение имеет не только описание путешествий, встреч, контактов, но и гравюры XVIII в., позволившие точно идентифицировать ряд экспонатов.

Рассмотрев сложную историю формирования коллекций МАЭ и основные проблемы, связанные с атрибуцией ранних поступлений, мы возвращаемся к первым дошедшим до наших дней буддийским собраниям Кунсткамеры и к их собирателям. Самые ранние буддийские экспонаты, сохранившиеся до наших дней, были проданы в Кунсткамеру Г.Ф. Миллером в 1748 г.

ГЕРАРД ФРИДРИХ МИЛЛЕР (1748 Г.)

Герард Фридрих Миллер (1705–1783) — выдающийся историк и археограф, участник Второй Камчатской экспедиции Академии наук (1733–1743). Возглавлял Вторую Камчатскую экспедицию легендарный мореплаватель В. Беринг².

---

² Витус Беринг (1681–1741) — знаменитый путешественник-мореплаватель, руководил Первой и Второй Камчатскими экспедициями. Именем Беринга названы остров, пролив и море на севере Тихого океана, улица в Петербурге.

Г.Ф. Миллер родился в 1705 г. в Герфорде. Его отец был ректором гимназии, в которой Миллер учился. Позднее он продолжил обучение в Лейпцигском университете [Пекарский 1870: 309–310]. В Россию Г.Ф. Миллер приехал в 1725 г.

Задачи Второй Камчатской экспедиции были грандиозны — исследование северных берегов Азиатского материка, изучение природы Сибири, плавание к берегам северо-западной Америки и первое плавание к Японии [Греков 1960: 55]. В состав экспедиции входил Академический отряд, участником которого был Г.Ф. Миллер. Необходимо отметить, что Миллер путешествовал только по Сибири, он не побывал на Камчатке и не принимал участие в плаваниях Второй Камчатской экспедиции [Греков 1960: 130]. Кроме того, с 1734 г. Г.Ф. Миллер был полностью свободен в выборе маршрутов для своих поездок, а с 1737 г. он был полностью освобожден от всякого подчинения В. Берингу.

Академический отряд покинул Петербург в августе 1733 г., а в январе 1734 г. прибыл в Тобольск. Г.Ф. Миллер в ходе экспедиции совершил поездки к верховьям Иртыша, по Енисею и Забайкалью до русско-китайской границы. В Петербург Миллер вернулся только 14 февраля 1743 г., пробыв в экспедиции 10 лет.

В основу трудов Г.Ф. Миллера положены материалы, полученные в процессе работы экспедиции, участником которой он был. В ходе экспедиции он уделял большое внимание географии, этнографии, лингвистике, археологии, истории [Элерт 1990: 15]. Им были обследованы и описаны архивы многих сибирских городов и скопированы хранившиеся там документы [Ученые-исследователи 2006: 150]. Им было обнаружено несколько летописей, включая знаменитую Ремезовскую³.

Материалы экспедиции легли в основу его фундаментального исторического труда «История Сибири», публиковавшегося начиная с 1750 г. и полностью изданного первый раз в 1937 и 1941 гг., а затем в 1999–2000 гг. (издание, подготовленное Вайнштейном). Г.Ф. Миллер — один из основоположников исторической науки в России. Он большое внимание уделял истории калмыков [Миллер 1787, 2000]. Миллера можно также считать одним из основоположников российской педагогической науки. Как пишет Г.И. Смагина, «с первых лет пребывания в России в разносторонней и активной творческой деятельности Миллера появляется педагогическое направление. Он преподавал в Гимназии при Академии наук, около трех лет состоял ректором академического Университета, занимался частной педагогической практикой, участвовал вместе со своим другом А.Ф. Бюшингом в реорганизации немецкой школы Петершуле⁴, в течение четырех лет заведовал учебной частью Морского кадетского корпуса, а по инициативе И.И. Бецкого был привлечен к составлению программ и учебных планов Пажеского корпуса <...> Кроме того, Миллер способствовал становлению Московского университета, используя свои связи с европейским ученым миром, он пригласил в Москву для чтения лекций многих немецких ученых» [Смагина 2007: 103]. По мнению И.Л. Тихонова, Мил-

³ Ремезовская летопись — сибирская летопись, составленная в конце XVII в. Семеном Ульяновичем Ремезовым (1642–1720(?)) основателем первого в Сибири каменного Тобольского Кремля.

⁴ Петершуле — немецкая школа при лютеранской церкви св. Петра. Петершуле, основанная около 1710 г., является старейшей школой в Петербурге.

лера можно считать и основоположником отечественной археологии: «...Миллером были написаны первые научные работы, специально посвященные археологическим памятникам, а соответственно это позволяет нам считать Герарда Фридриха Миллера первым российским ученым, серьезно занявшимся исследованием вещественных памятников прошлого, т.е. археологией» [Тихонов 2007: 95]. Большой вклад был сделан Миллером в изучение истории Москвы и Петербурга, как указывает С.С. Илизаров, «Миллеру принадлежит приоритет в подготовке и публикации первых научных описаний российских столиц — Москвы и Санкт-Петербурга. Обе эти работы были им написаны для изданного в 1773 г. первого русского географического словаря» [Илизаров 2007: 23].

Наконец, Г.Ф. Миллер был одним из первых ученых, собравших коллекцию буддийских культовых предметов, которые и являются предметом настоящей работы. Ценность коллекции Г.Ф. Миллера увеличивает то, что это одна из первых специально собранных научных коллекций предметов буддийского культа не только в России, но и в мире. Как нам удалось выяснить, предметы из собрания Г.Ф. Миллера в настоящее время входят в состав коллекции № 719.

В ходе работы с коллекцией № 719 наше внимание привлекли бирки с надписью «Миллер» на обороте экспоната № 719-86, а также на предмете № 719-85. Нахождение бирок с фамилией Миллера послужило началом углубленного изучения этих экспонатов.

В работе Руссова указано, что в 1748 г. от Г.Ф. Миллера поступили предметы тангутского (тибетского), монгольского и калмыцкого культов [Russow 1900: 16].

В документах Академии наук за 1748 г. приводится «Реестр древностям и другим курioзным вещам, которые я в Сибири за собственные деньги купил», где содержится перечень «вещей, надлежащих к мунгальскому и калмыцкому идолослужению, а именно:

- (1) барабан, которым собирают народ к идолослужению,
- (2) пара медных чашек звонительных,
- (3) медная труба в деревянном футляре,
- (4) медная сиповка,
- (5) небольшой медный колокольчик с тангутской надписью,
- (6) медный инструмент, очир называемый, который суеверию служит к прогнанию злых духов,
- (7) небольшой ручной барабан с шелковым привесом,
- (8) медное молитвенное колесо с брахманской надписью, внутри письменными молитвами наполнено,
- (9) мунгальские четки,
- (10) мунгальский идол на полотне напечатанный,
- (11) малеванная копия мунгальского образа, на котором семь идолов изображены,
- (12) четыре глиняные мунгальские идола, а именно: чигин муне, цаган даринке, нагон даринке, неман дабага, в двух медных футлярах, какие на шее носят,
- (13) пять отчасти печатных, а отчасти письменных амулетов в двух медных и в двух суконных футлярах, которые также на шее носят,

(14) белая шелковая пелена, хадин называемая, которую идольские образа покрывают,

(15) шелковая поцепка к идольским образам.

Сие собрание весьма редких вещей, каких в Европе еще не видано, на которые я чрезвычайный труд и многие подарки употребил, не дорого будет, ежели за все те вещи оптом тридцать рублей поставлю...

Ger. Fridrich Muller» [Материалы для истории Имп. АН, IX, 1897: 11–13]⁵.

На экспонате № 719-86 кроме этикетки «Миллер» сохранилась еще и бирка с типографским печатаным номером «9», над которым карандашом надписан номер VII, что означает, как мы предположили, номер 9 в VII статье старых Списков Азиатского музея. И действительно, под этим номером в списке числится «Малеванная копия мунгальского образа, на котором изображено семь фигур» [Опись Азиатского музея: 14]. Поразительное совпадение с вышеприведенным описанием Миллера: «малеванная копия мунгальского образа, на котором семь идолов изображены».

Обращаясь к статье VII списков Азиатского музея, которая озаглавлена «Вещи к мунгальскому и калмыцкому идолослужению принадлежащие», узнаем, что в этой статье числятся 20 предметов, написанных чернилами:

« (1) Двойной бубен, которым народ созывают к идолослужению.

(2) Пара медных звонительных тарелок.

(3) Медная долгая труба из нескольких колен состоящая.

(4) Медная сиповка.

(5) Небольшой ручной бубен с шелковым привесом, очир называемый, которым мунгалцы по суеверию своему употребляют к прогнанию злых духов.

(6) Круглое медное колесо с брахманскую подписью, внутри письменными молитвами наполнено.

(7) Мунгальские четки с двумя белыми и двумя голубыми пронизками.

(8) Мунгальский женский идол на полотне выпечатанный, с многими лицами, называемый Аюша.

(9) Малеванная копия мунгальского образа, на котором изображено семь фигур.

(10–13) Четыре небольших мунгальских идола, а именно: Чигин Муни, Цаган и Кеногон Тари, Кепеман дабага, в одной круглой, а другой четверугольной медной коробочки, какие на шее носят.

(14) Такой же глиняный женский идол на подобие четверугольной плитке.

(15) Такой же маленький идол.

(16–19) Четыре отчасти печатных, а отчасти письменных амулетов или ладанок, какие мунгалцы на шее носят, в том числе две в четверугольных медных коробочках, а один в красном суконном мешочке, а один небольшой свертком в медной коробочке.

(20) Белая шелкова пелена, ходак называемая, которую мунгалцы покрывают идольские образа» [Опись Азиатского музея: 13].

Сходство реестра Миллера и описи Азиатского музея очевидно. В некоторых отмеченных курсивом местах опись дословно повторяет реестр. В реестре Миллера не упоминаются только предметы № 14, 15 из списков Азиатского

⁵ Разбивка в сплошном списке Г.Ф. Миллера сделана нами для ясности изложения.

музея. Таким образом, в статье VII описи Азиатского музея фактически перечислены экспонаты, поступившие в музей от Г.Ф. Миллера.

В настоящее время МАЭ обладает рядом экспонатов, поступивших в 1748 г. от Г.Ф. Миллера. В представленной ниже таблице сопоставлены реестр Миллера, списки Азиатского музея и экспонаты по современной описи коллекции № 719:

	номер и описание предмета в реестре Миллера	номер и описание предмета в списках Азиатского музея	номер экспоната по описи коллекции № 719
1	«(1) барабан, которым собирают народ к идолослужению»	«(1) «Двойной бубен, которым народ созывают к идолослужению»	719-84
2	«(2) пара медных чашек звонительных»	«(2) Пара медных звонительных тарелок»	719-83/2-1
3	«(3) медная труба в деревянном футляре»	«(3) Медная долгая труба из нескольких колен состоящая»	719-82
4	«(7) небольшой ручной барабан с шелковым привесом».	«(5) Небольшой ручной бубен с шелковым привесом, очир называемый, которым мунгальцы по суеверию своему употребляют к прогнанию злых духов»	719-81
5	«(8) медное молитвенное колесо с брахманской надписью, внутри письменными молитвами наполнено»	«(6) Круглое медное колесо с брахманскую надпись, внутри письменными молитвами наполнено»	719-105
6	«(10) мунгальский идол на полотне напечатанный»	«(8) Мунгальский женский идол на полотне выпечатанный, с многими лицами, называемый Аюша»	719-85
7	«(9) малеванная копия мунгальского образа, на котором семь идолов изображены»	«(9) Малеванная копия мунгальского образа, на котором изображено семь фигур»	719-86
8	«(12) четыре глиняные мунгальские идола, а именно: чигин муне, цаган даринке, нагон даринке, неман дабага, в двух медных футлярах, какие на шее носят, (13) пять отчасти печатных, а отчасти письменных амулетов в двух медных и в двух суконных футлярах, которые также на шее носят».	«(10–13) Четыре небольших мунгальских идола, а именно: Чигин Муни, Цаган и Кеногон Тари, Кепеман дабага, в одной круглой, а другой четвероугольной медной коробочки, какие на шее носят».	719-88в, 719-89в, 719-96, 719-97, 719-98, 719-99

В настоящее время, можно утверждать, что этикетки Кунсткамеры использовались и в Азиатском музее. На карандашные пометы, уточняющие место изготовления предметов, обратили внимание Р.А. Ксенофонтова и А.М. Реше-

тов [Ксенофонтова, Решетов 1980: 133]. Можно дополнить, что карандашные пометки делались в Азиатском музее, когда необходимо было внести коррективу или дополнение в старый номер Кунсткамеры. Так, латинская цифра VII означала статью в Описи, к которой относились эти предметы, а когда порядковый номер Азиатского музея не совпадал со старым кунсткамерским номером, то его зачеркивали и рядом приписывали новый.

Необходимо отметить, что все предметы из реестра Миллера совпадают с перечнем предметов в статье VII списков Азиатского музея, а МАЭ обладает ценнейшей коллекцией буддийских культовых предметов, собранных в 1732–1743 гг.

ПЕТР СИМОН ПАЛЛАС (1770 Г.)

Одним из наиболее выдающихся исследователей-путешественников эпохи Екатерины II был Петр Симон Паллас (1741–1811) — классический ученый-энциклопедист XVIII в. Российское правительство в то время было крайне заинтересовано в проведении комплексных географических исследований империи. К весне 1768 г. было организовано пять географических экспедиций. Паллас был назначен руководителем одной из них, однако фактически он наметил маршрут для трех отрядов [Муравьев 1977: 19]. Экспедиция началась в июне 1768 г., и только в июле 1774 г. П.С. Паллас вернулся в Петербург. За то время исследователи побывали в центральной России, Поволжье, Урале и в Сибири. Путешествие Палласа имело колоссальное значение для изучения культуры народов, живших в Российской империи. Им были подробно описаны обычаи, облик, одежда, жилища и верования различных народов, от финнов до монголов. Большое значение имели материалы по повседневной и духовной культуре калмыков [Ученые-исследователи 2006: 170–172]. Особое внимание Паллас уделил буддизму у калмыков. В своей работе «Путешествие по разным провинциям Российской империи» он описывает пантеон северного буддизма, церковную иерархию, представления буддистов о строении мира [Паллас 1809: 490–529].

В ходе экспедиции были собраны многочисленные сведения о минералах Уральских гор, растительном и животном мире, богатейший этнографический материал. Всего П.С. Палласом была опубликована 151 работа по зоологии, ботанике, минералогии, геологии, географии, сельскому хозяйству, медицине, этнографии, нумизматике и археологии, языкознанию, не считая описаний путешествий и переводов [Кеппен 1895: 17–49]. П.С. Паллас оставил описание буддийских культовых предметов, бытовавших у калмыков, и попытался проанализировать структуру буддийского пантеона.

В 1793–1794 гг. Паллас совершил путешествие по южным провинциям Российской империи. В ходе этой экспедиции он посетил центральную Россию, Астрахань, калмыцкие степи, Кавказ, Крым. В фондах МАЭ РАН хранится европейская гравюра № 719-108/9(6). Эта гравюра — иллюстрация к альбому П.С. Палласа о его второй экспедиции [Pallas 1811: 8].

Во время экспедиции 1768–1774 гг. П.С. Палласа сопровождали двое сотрудников Кунсткамеры — чучельник Павел Шумский и рисовальщик Нико-

лай Дмитриев. Практически все материалы, собранные путешественником, предназначались для Кунсткамеры.

Как нам удалось выяснить, большая часть приобретенных П.С. Палласом буддийских предметов также входит в состав коллекции № 719.

В этой связи интересна одна из остановок, совершенных Палласом во время его длительного путешествия.

В августе 1769 г. П.С. Паллас посещает Яицкий городок — административный центр яицкого казачества, расположенный в большой излучине, образованной рекой Яик и впадающей в нее речкой Чаган. В Яицком городке жила вся верхушка яицкого казачества — войсковой атаман, войсковые старшины, два есаула, войсковой дьяк и войсковой писарь. Всего в городке было пятнадцать тысяч казаков, включая находящихся на службе калмыков [Муравьев 1977: 39]. В непосредственной близости от Яицкого городка находились кочевья калмыков, описанные Палласом [Паллас 1809: 455–490]. В Яицком городке местный атаман предложил ему купить коллекцию буддийской скульптуры. Вот как об этом пишет сам Паллас в рапорте в Академию наук: «В таком же затруднении нахожусь я и сейчас, имея в виду прекрасную коллекцию литых, хорошо позолоченных монгольских и калмыцких идолов, или бурханов, которую продает здешний атаман. Императорская Кунсткамера по этой части еще очень бедна, и потому я отобрал около 25 идолов, те, что лучше всего сохранились и отличаются один от другого. Когда я вернусь из Гурьева, я должен буду принять решение и либо упустить из рук такое превосходное украшение для Кунсткамеры, либо пойти на новый риск, не ведая, как к этому отнесется Императорская Академия наук» [Научное наследие 1993: 89]. На заседании Конференции Академии наук 25 сентября 1769 г. было принято решение о закупке 25 калмыцких «идолов» для Кунсткамеры [Протоколы 1899, 2: 704–705]. Из письма Палласа в Академию наук и из протоколов заседаний Конференции Императорской Академии наук следует, что 25 литых позолоченных буддийских статуэток поступили в Кунсткамеру, однако в письме Палласа Г.Ф. Миллеру, датированном 3 апреля 1770 г., говорится уже о восьмидесяти с лишним буддийских скульптурах отправленных в Петербург [Научное наследие 1993: 119]. Именно это собрание имел в виду Ф.К. Руссов, когда в 1900 г. писал, что основа буддийских собраний Академии заложена приобретенной П.С. Палласом скульптурой [Russow 1900: 17].

К сожалению, при регистрации коллекции № 719 эта информация также была утрачена, однако восстановить собрание П.С. Палласа помог сам путешественник, опубликовавший еще в XVIII в. ряд гравюр с изображением буддийских предметов из своей коллекции. П.С. Паллас издал несколько изображений, купленных им предметов, в своих трудах: «Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs» («Путешествие по разным провинциям Российской империи»), «Merkwürdigkeiten der Mordvanen, Kasaken, Kalmücken, Kirgisen, Baschkiren etc.» («Достопримечательности мордвинов, казаков, калмыков, киргизов, Башкиров и др.»), «Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Volkerschaften» («Собрание исторических известий о монгольских народах»).

Детальное сравнение опубликованных Палласом изображений с экспонатами из буддийских собраний Кунсткамеры позволяет утверждать, что практически все предметы, купленные Палласом в Яицком городке, хранятся в МАЭ

в составе коллекции № 719. Необходимо отметить, что скульптура из фондов музея сравнивалась с гравюрами XVIII в., однако нам удалось обнаружить особенности постаментов, корон, наличие или отсутствие атрибутов, повреждения, которые дают возможность достаточно точно соотнести эту скульптуру с приобретениями Палласа.

В этой статье публикуются несколько фотографий экспонатов МАЭ с комментариями. Это лишь несколько гравюр и фотографий, но и они позволяют понять, что на гравюрах, опубликованных П.С. Палласом в XVIII в., изображены экспонаты из коллекции № 719.

Рис. 1. Редкое изображение святого, предположительно одного из царей Шамбалы или Махасиддхи (МАЭ. Колл. № 719-40)

Редкое изображение святого, предположительно одного из царей Шамбалы или Махасиддхи. Для нас важно, что на гравюре оно полностью совпадает со скульптурным изображением из коллекций МАЭ.

Полностью совпадают изображения божеств, декор, киот.

Рис. 2. Изображение бодхисаттвы Авалокитешвары (МАЭ. Колл. № 719-102)

Рис. 3. Бодхисаттва Манджушри (МАЭ. Колл. № 719-36)

Четырехрукая форма бодхисаттвы Манджушри. По канону бодхисаттва должен держать в правой нижней руке стрелу, а в левой нижней руке лук. Изображение стрелы и лука отсутствует как на гравюре, так и у скульптуры из коллекции МАЭ.

Рис. 4. Лха-мо (МАЭ. Колл. № 719-59)

У мула на гравюре и на экспонате отсутствуют хвост и левое ухо. На гравюре изображение без постамента. У скульптуры из коллекций МАЭ оригинальный постамент также отсутствует. Деревянный лакированный постамент был явно изготовлен уже в музее.

Необходимо отметить, что если экспонаты, собранные Г.Ф. Миллером, относятся к VII статье Описи Азиатского музея, то предметы, привезенные

П.С. Палласом, перечислены в статье VI, за исключением шести предметов, о которых будет сказано ниже. Причем описание экспонатов в Описи Азиатского музея почти слово в слово повторяет описание «бурханов», купленных Палласом, которое приводит О. Беляев. Так, бодхисаттва Авалокитешвара в обоих случаях обозначен как божество, называемое «писателями-путешественниками Менитопом» [Беляев 1800: 152]. В настоящее время в составе коллекции № 719 мы можем определить 79 буддийских предметов из собрания П.С. Палласа.

Нас, безусловно, интересовали вопросы, как столь обширное и ценное собрание буддийских культовых предметов попало к атаману Яицкого казачьего войска и кто был этот атаман-«коллекционер». Как нам представляется, атаман мог «добыть» эти предметы только у калмыков, проживавших на Яике. Поэтому Паллас называет их калмыцкими «идолами». Необходимо отметить, что у калмыков в XVIII в. бытовали незаурядные и очень дорогие культовые предметы из самых разных уголков буддийского мира. Атаманом Яицкого казачьего войска в интересующий нас период был Петр Васильевич Тамбовцев (1726–1772). П.В. Тамбовцев был избран войсковым атаманом в 1767 г. и оставался им до своей гибели во время восстания в Яицком городке в 1772 г. Как участник восстания яицких казаков П.В. Тамбовцев упоминается у А.С. Пушкина в «Истории Пугачева» [Пушкин 1964: 157].

По всей видимости, в состав этих 79 экспонатов входят и три калмыцких идола из Аблаин-кита, которые в Тобольске Палласу передал капитан Исленьев⁶ [Научное наследие 1993: 152]. В рапорте Палласа от 14 апреля 1771 г. из Челябинска говорится, что он передал профессору Фальку для отправки в Петербург два ящика с калмыцкими идолами, полученными им от капитана Исленьева [Там же: 173]. В отделе учета и хранения МАЭ хранятся также «Выписки из журнала поступлений № I. Касательно коллекций, поступивших в музей до 1837 года». Это несколько непрономерованных листов бумаги с записями о поступлениях, сделанными черными чернилами. Эти «выписки» были скорее всего сделаны в XIX в. В «выписках» за 1771 г. указаны «Три калмыцких идола и др. замечательные вещи, найденные по Иртышу и привезенные из Тобольска Палласом» [Выписки из журнала поступлений № I]. К сожалению, в настоящее время невозможно определить, какие именно три скульптуры происходят из Аблаин-кита.

В состав коллекции № 719 входят также два глиняных позолоченных расписных буддийских образа в деревянных окладах. Один из этих образов был опубликован П.С. Палласом. Мы предполагаем, что второй также был приобретен П.С. Палласом, хотя оба эти образа в VI статье Описи Азиатского музея не упоминаются.

ИОГАНН ИЕРИГ (1782 Г.)

Если вклад П.С. Палласа в российскую науку довольно хорошо исследован [Кеппен 1895; Муравьев 1977; Ученые-исследователи 2006], то деятельность Иоганна Иерига менее известна. Ему посвящена только одна работа [Шафра-

⁶ Иван Иванович Исленьев (1738–1784) — капитан «черного гусарского полка», геодезист, адъютант по Географическому департаменту Петербургской АН (1771).

новская 1965: 155–163]. Между тем И. Иериг на протяжении 15 лет снабжал Императорскую Академию наук ценнейшими материалами по культуре, языку калмыков, а позднее бурят и монголов. Поволжский немец Иоганн Иериг, общаясь с калмыками, самостоятельно занимался изучением монгольского языка и достиг в этом значительных успехов. В 1773 г. И. Иериг впервые встретился с академиком П.С. Палласом в Царицыне и предложил через него свои услуги Академии наук в качестве переводчика. Он был принят на службу и отправился к калмыкам [Там же: 156–157]. В 1775 г. Иериг присылает в Петербург множество материалов о быте и религии калмыков, переводы на немецкий язык калмыцких сказок. Одновременно Иериг продолжал изучать калмыцкий язык и начал учить тибетский. В 1779 г. П.С. Паллас, внимательно следивший за деятельностью И. Иерига, решил, что для дальнейшего изучения монгольского и тибетского языков ему следует отправить в район Селенги.

С 1780 г. Иериг находился в Забайкалье. Основным местом его пребывания стал Гусиноозерский дацан, где он занимался монгольским и тибетским языками под руководством ламы. Иериг занимался составлением монгольского словаря, который он высылал в Петербург по частям, переводом на немецкий язык индийской астрологической рукописи [Шафрановская 1965: 160–161]. Помимо изучения языков и переводов, Иериг собирал различные материалы для Академии наук. Он выслал в Петербург образцы лекарств из Индии и Тибета, травы, семена, минералы, книги, рукописи и, что особенно важно для нас, изображения святых, как оригиналы, так и копии [Там же: 161]. В 90-х годах XVIII в. Иериг работал над грамматикой монгольских языков [Там же: 163]. Иоганна Иерига можно по праву считать одним из основоположников отечественной монголистики.

В составе коллекции № 719 хранятся также шесть буддийских икон одного размера, нарисованных на картоне и заключенных в деревянные позолоченные рамки европейского образца. В Описи Азиатского музея эти экспонаты отмечены как «шесть монгольских идолов, из коих четыре называются Махаранзами, один без имени, и один Бадмасанбова, первые пять раскрашены, а последний простой, в позолоченных рамах, три за стеклом. /от Г. Эриха присланы/» [Опись Азиатского музея: 12]. Это единственная группа предметов, к которой в Описи Азиатского музея указан собиратель.

Автору не известен ни один Г. Эрих, который мог бы прислать в Петербург подобные изображения. Мы предположили, что заглавная буква «Г» обозначает не инициал, а сокращение слова «Господин», и тогда можно думать, что предметы поступили от «Господина Эриха». Единственный исследователь XVIII в., чья фамилия созвучна с Эрихом — это Иоганн Иериг⁷.

Согласно данным архива отдела учета и хранения МАЭ, 27 мая 1782 г. Иериг отправил из Гусино Озера копию изображения Бурхана *Badmagh Sambawa*. При перерегистрации коллекции в 1979 г. предмет № 719-80/6 (6) был описан как заготовка для буддийской иконы, изображающая Падмасамбхаву в деревянной позолоченной рамке [Опись коллекции № 719 1979: 14–15]. В настоя-

---

⁷ С вопросом о передаче/транслитерации немецких имен на русский язык в XVIII — нач. XIX в. мы обратились на кафедру общего языкознания филологического факультета СПбГУ. Согласно консультации, полученной от Татьяны Владимировны Клубковой, сотрудницы кафедры, в указанный период фамилия Иерига могла быть записана по-русски как Эрих. Мы хотели бы выразить глубокую благодарность Татьяне Владимировне за столь ценную консультацию.

шее время эта «заготовка для иконы» выставлена на экспозиции «Монголия» в шкафу № 19.

«Заготовка» была вынута нами из рамки, которая скрывала края и оборотную сторону изображения, после чего обнаружилось следующее. Первое — рисунок выполнен на европейской бумаге с различной на просвет филигранью изготовителя бумаги. Правда, разобрать рисунок филигрании не позволили технические возможности. Второе — подпись «Joh. Jaehrig» (Иериг (!) под изображением. В правом верхнем углу дата «1782». В нижней части и на обороте рисунка — сопроводительные надписи на немецком языке. Все это позволяет заключить, что экспонат представляет собой копию изображения, выполненную Иоганном Иеригом в 1782 г.

Таким образом, перед нами и есть та самая копия изображения Падмасамбхавы, выполненная Иеригом, о которой говорится в Книге поступлений. Допустимо предположить, что все шесть рисунков под № 719-80/6 поступили от И. Иерига. Четыре из них — это изображения Локапал (стражей сторон света), в Описи Азиатского музея они описаны как Махаранзи. В Монголии Локапалы известны как Махараджи.

Кажется возможным ответить и на вопрос, почему эти вещи единственные, которые в Описи Азиатского музея имеют имя собирателя. Мы уже упоминали, что Опись Азиатского музея делится на две части — статью VI и статью VII. Как нам удалось показать, все предметы, относящиеся к статье VII Описи Азиатского музея, были привезены Г.Ф. Миллером в 1748 г. Предметы, перечисленные в статье VI — это приобретения П.С. Палласа [Иванов 2007: 186–195], за исключением шести рисунков Иерига. Поскольку И. Иериг постоянно сотрудничал с П.С. Палласом и все посылаемые Иеригом материалы передавались Палласу [Шафрановская 1965: 161], то при составлении описи эти рисунки были объединены с вещами Палласа. Однако, чтобы отделить их от предметов, собранных самим Палласом, составитель Описи сделал пометку «от Г. Эриха присланы».

В ходе работы удалось выявить экспонаты, которые относятся к наиболее ранним специально собранным музейным коллекциям не только в России, но и в мире. Уместно вспомнить слова Г.Ф. Миллера: «Сие собрание весьма редких вещей, каких в Европе еще не видано, на которые я чрезвычайный труд и многие подарки употребил...».

Эти предметы и в наши дни имеют огромное научное значения, являясь тем немногим, что позволяет восстановить историю буддизма у калмыков и бурят в XVIII в., а также позволяют по-новому посмотреть на проблему атрибуции и датировки произведений буддийского искусства.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАВЮРА XVIII В. В МОНГОЛЬСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ МАЭ

Особое место в составе коллекции № 719 занимают пять европейских гравюр, которые были описаны как европейский рисунок (!) и добавлены в состав монгольской коллекции [Опись коллекции № 719 1979].

Эти гравюры не имеют, как нам удалось установить, никакого отношения к Монголии, а связаны с историей изучения Тибета в XVIII в., однако, по-

скольку они входят в состав рассматриваемой нами коллекции и относятся к XVIII в., для завершения обзора буддийских собраний Кунсткамеры необходимо рассмотреть сами эти гравюры и историю их появления.

«Правда, что некоторые странствующие вероповедники заходили иногда в некоторые части сея земли, но их примечания и наблюдения, сопровождаемые невежеством и суеверием, заключались в весьма тесных пределах, а потому и предания их были основаны на пустых и ложных известиях», — так жестко охарактеризовал рассказы католических миссионеров о Тибете англичанин Стюарт [Новейшее... 1779: 258]. Желание англичан приписать себе славу первопроходцев в труднодоступные районы далекого Тибета понятно, однако открытие Тибета для европейской науки связано именно с деятельностью католических монахов, которые рискуя жизнью в XVII–XVIII вв. совершали длительные и труднейшие путешествия в самую высокогорную страну мира. Иезуиты и капуцины составили первые тибетские словари, описали обычаи тибетцев и заложили основы европейской тибетологии. В МАЭ хранятся несколько гравюр, имеющих непосредственное отношение к этому самому раннему миссионерскому этапу изучения Тибета.

Первым католическим миссионером, которому, возможно, удалось побывать в Тибете, был Одорико Порденоне (ок. 1286–1331), совершивший приблизительно в 1316–1329 гг. путешествие в Китай через Индию. По возвращении в Италию он продиктовал свои воспоминания о путешествии одному из монахов. В 1775 г. Одорико Порденоне был причислен к лику блаженных. Несмотря на успехи миссии Одорико Порденоне в Китае, Тибет оставался еще очень долго удаленной и недоступной для европейцев страной, лишь в 1625 г. Антонио де Андрада основал в Тибете католическую миссию. Де Андрада в возрасте 15 лет вступил в Орден иезуитов в качестве новicia (послушника), а в 1600 г. был направлен в Индию. В 1621 г. де Андрада был назначен главой миссии иезуитов в государстве Великих Моголов, а его резиденция располагалась в Агре. В 1624 г. де Андрада тайно в сопровождении двух слуг, переодевшись индийцем, покинул двор Великого Могола и отправился в Тибет с группой паломников [Соколовский 1926: 18]. В начале августа 1624 г., преодолев множество трудностей, он прибыл в город Цзапаранг в Западном Тибете. Ему удалось добиться аудиенции местного правителя, который принял иезуита достаточно благосклонно. Это вселило в путешественника надежду на основание в Тибете католической миссии. Вернувшись в Агру в ноябре 1624 г., он начал готовиться к организации второго путешествия в Тибет.

Вторая экспедиция Антонио де Андрада в Тибет отправилась из Индии 17 июня 1625 г. На это раз ему удалось пробыть в Тибете не менее двух лет [Там же: 32]. Пользуясь благосклонностью местного правителя, де Андрада развернул активную миссионерскую деятельность. В 1626 г. в Цзапаранге была построена христианская церковь и основана миссия, при которой жили семь иезуитов [Там же: 36]. Такая активная деятельность католических миссионеров вызвала волну возмущения местных лам, которая привела к восстанию в Цзапаранге в 1630 г. Местный правитель был низложен, здание миссии разрушено, а иезуиты были вынуждены покинуть Цзапаранг. Антонио де Андрада не видел гибели миссии, поскольку в 1630 г. он был назначен провинциалом Ордена в Индии и покинул Тибет.

Антонио де Андрада скоропостижно скончался с признаками отравления в 1634 г. Точные обстоятельства его смерти неизвестны, выдвигались предположения о причастности к смерти де Андрада мусульман, португальцев, голландцев [Соколовский 1926: 9].

Антонио де Андрада не писал научных работ о Тибете и о тибетском буддизме, однако он первым из европейцев применил название Thibet, и им было написано несколько деловых отчетов о своем путешествии. Эти отчеты вызвали колоссальный интерес и были переведены на шесть европейских языков в XVII–XVIII вв. [Там же: 12]. Де Андрада, безусловно, знал о Лхасе, но, по всей видимости, никогда в столице Тибета не был.

Только в 1661 г. два других иезуита, Иоганн Грюбер и Альбер Орвиль, путешествуя из Пекина, пересекли тибетское нагорье и стали первыми европейцами, побывавшими в Лхасе.

Дорога к сердцу далекого Тибета, священному городу Далай-лам, была открыта, однако более или менее обосноваться в Лхасе европейским миссионерам удалось только в начале XVIII в. Одним из наиболее выдающихся путешественников-миссионеров этого времени был иезуит Ипполито Дезидери (1684–1733). Ипполито Дезидери родился в Тоскане в 1684 г. и после обучения в 1712 г. он был направлен на Восток с целью восстановить миссию в Цзапаранге, основанную Антонио де Андрада. Однако вместо Цзапаранга Дезидери отправился в Лхасу и в 1715 г., совершив труднейшее зимнее путешествие, достиг столицы Тибета. Ему удалось попасть на прием к фактическому правителю Тибета того времени монгольскому Лавзан-хану. После этого приема Ипполито Дезидери и другой миссионер, капуцин Орацио делла Пенна (1680–1745), получили возможность изучать тибетский язык и буддизм под руководство ученого ламы в одном из наиболее известных и важных буддийских монастырей-университетов Сера [Bargiacchi 2008: 34]. Два католических монаха жили бок о бок с буддийскими монахами, принимали участие в монастырских диспутах. Дезидери получил даже возможность обустроить у себя в келье христианскую часовню и осуществить перевод важнейшего сочинения тибетского буддизма «Лам-рим-чэн-мо» [Ольденбург 1904: 133], а Орацио делла Пенна приступил к созданию тибетско-итальянского словаря.

Про выдающегося путешественника-миссионера начала XVIII в. Орацио делла Пенна необходимо сказать особо. Он был младшим из трех детей в знатной семье Оливери. В 20 лет, получив классическое образование, он удалился в монастырь капуцинов, а в 1703 г. Священная Конгрегация Пропавшей Веры провозгласила создание миссии в Тибете. Орацио делла Пенна подал прошение о назначении его в эту миссию, и его прошение было удовлетворено. Миссионеры отбыли из Италии в 1704 г. и в 1707 г. прибыли в Лхасу.

Капуцинам удалось установить дружеские отношения с высшими тибетскими иерархами и основать католическую миссию, обратив в христианство около 20 тибетцев. Сподвижником Орацио делла Пена был другой монах-капуцин Кассиано Белигатти, прибывший в Тибет в 1738 г.

Дружелюбное сосуществование двух церквей закончилось, когда несколько тибетцев отказались признать священную власть Далай-ламы. Положение миссии стало ухудшаться, и в 1745 г. последние христиане покинули Тибет

и были вынуждены искать убежище в Непале. Орацио делла Пенна скончался в Непале в 1747 г. [Ольденбург 1904: 134].

Отношения двух католических миссионеров, Дезидери и делла Пенны, которые принадлежали к двум разным монашеским Орденам (иезуитов и капуцинов), складывались непросто. Между иезуитами и капуцинами началась борьба за право единолично распространять христианство в Тибете. После долгих интриг и препирательств в 1721 г. Дезидери был вынужден покинуть Лхасу [Там же: 133], а в 1727 г. вернуться в Европу.

Интереснейшие путевые наблюдения Дезидери, его описание Тибета, которое он собирался опубликовать, ждала нелегкая судьба. В Риме в 1732 г. было принято окончательное решение в пользу капуцинов, Дезидери было запрещено покидать Рим, публикация всех его работ была запрещена, а через год Ипполито Дезидери скончался в Риме практически в полном одиночестве.

Однако работы Дезидери не исчезли, уже в середине XVIII в. его рукописи, а также материалы миссионера-капуцина Кассиано Белигатти, соратника Орацио делла Пена, легли в основу изданного в 1762 г. в Риме А. Георги «Алфаветум Тибетанум» [Вигасин 1995: 142]. Так в работе другого католического монаха, который сам в Тибете никогда не был, соединились наблюдения и заметки двух соперничавших между собой Орденов — иезуитов и капуцинов.

Практически сразу после издания «Алфаветум Тибетанум» стал основной работой по истории и культуре Тибета. В XVIII в. к «Алфаветум Тибетанум» обращались и работавшие в России ученые [Pallas 1783: 17; Накман 1783].

В настоящее время в Петербурге экземпляр «Алфаветум Тибетанум» имеется в библиотеке Института восточных рукописей РАН, а в фондах МАЭ в составе коллекции № 719 хранятся пять гравюр из «Алфаветум Тибетанум». В «Алфаветум Тибетанум» из Института восточных рукописей и в издании, находящимся в Нью-Йоркской публичной библиотеке, насчитывается семь гравюр [Georgii 1762].

По описи монгольская (!) коллекция № 719 поступила в МАЭ в 1837 г. из Азиатского музея, но, как нам удалось выяснить ранее, в составе этой коллекции находятся экспонаты из Императорской Кунсткамеры XVIII в. [Иванов 2007, 2008]. Мы можем предположить, что эти пять гравюр также были извлечены из несохранившегося экземпляра «Алфаветум Тибетанум» еще в XVIII в. и из-за редкости и научной ценности включены в состав музейных коллекций Кунсткамеры. Поскольку в XVIII в. изучение тибетского буддизма в России было неразрывно связано с изучением культуры монголоязычных народов, эти гравюры были включены в состав монгольской коллекции.

Все гравюры подписаны именем одного резчика — Алессии Гиардони (sculpt. Alex. Giardoni), который в 1760–1791 гг. работал в Лондоне и Риме [Becker 1907: 590]. Две гравюры имеют имена художников, причем один художник — тибетец (pinxit. Yon-ten-lnya-gi-'b (?), а два других художника — итальянцы (aequ. Paul Anton, Ciccolini delin.). Эту сложную подпись можно расшифровать так — тибетцем был выполнен живописный оригинал, с которого итальянские рисовальщики сделали копию для гравера, который вырезал изображение на доске.

Подписанные таким образом гравюры — это изображение «Колеса Сансары» и буддийской картины мира с горой Меру, мировым океаном и материками.

Это последние экспонаты, которые могут быть отнесены к буддийским собраниям Кунсткамеры XVIII в., сохранившимся до наших дней и хранящимся в фондах МАЭ, хотя точную дату поступления этих гравюр в музей мы назвать не можем.

В настоящее время буддийские экспонаты Кунсткамеры XVIII в. составляют ценнейшую часть монгольского фонда Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН. Мы очень надеемся, что в ближайшее время будет издан полноценный каталог первых буддийских экспонатов старейшего музея России.

Библиография

- Базиянц А.* Азиатский музей — Институт востоковедения АН СССР. 1818—1968. М., 1969.
- Бакмейстер И.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-петербургской имп. Академии наук. СПб., 1779.
- Белков П.Л.* Гавайские круглые накидки в коллекциях МАЭ РАН и проблемы музейного источниковедения // Радловские чтения: Тезисы докладов. СПб., 2006. С. 59—65.
- Белков П.Л.* «Дешифровка» музейных каталогов конца XVIII — начала XIX вв. и проблема идентификации предметов из ранних поступлений МАЭ // Радловский сборник. СПб., 2007. С. 45—55.
- Беляев О.* Кабинет Петра Великого. СПб., 1800. Ч. II.
- Вигасин А.А.* Странствование Филиппа Ефремова // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. М., 1995. С. 134—261.
- Викторова Л.Л.* Монгольские фонды МАЭ // Сб. МАЭ. Л., 1987. Т. XLI. С. 102—121.
- Выписки из журнала поступлений № I. Касательно коллекций, поступивших в музей до 1837 года / Архив МАЭ РАН. Отдел учета и хранения.
- Греков В.И.* Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960.
- Журнал поступлений 1719—1836 / Архив МАЭ РАН. Фонд К-IV. Оп. 1. № 2.
- Иванов Д.В.* Могут ли буддийские культовые предметы быть «куриозными» // Курьез в искусстве и искусство курьеза: Материалы XIV Царскосельской научной конференции. СПб., 2008. С. 139—149.
- Иванов Д.В.* Петр Симон Паллас и формирование первых буддийских коллекций в России // Из века Екатерины Великой. Путешествия и путешественники: Материалы XIII Царскосельской научной конференции. СПб., 2007. С. 186—195.
- Иванова Л.А.* Куковская коллекция Кунсткамеры. М., 2005.
- Иванова Л.А.* Материалы к биографии Федора Карловича Руссова — первого ученого хранителя Музея антропологии и этнографии // Сб. МАЭ. СПб., 2007. Т. LIII. С. 11—33.
- Илизаров С.С.* Санкт-Петербург и Москва в жизни и творчестве Г.Ф. Миллера // Г.Ф. Миллер и русская культура. СПб., 2007. С. 15—37.
- Кетпен Ф.П.* Ученые труды П.С. Палласа. СПб., 1895.
- Кононов А.Н.* Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.
- Корсун С.А.* Музейные этикетки и проблема атрибуции предметов из старинных коллекций МАЭ // Сб. МАЭ. СПб., 2007. Т. LIII. С. 104—133.
- Ксенофонтова Р.А., Решетов А.М.* Китайские коллекции Петербургской Кунсткамеры в собрании МАЭ // Сб. МАЭ. Л., 1980. Т. XXXV. С. 114—135.
- Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1897. Т. IX.
- Миллер Г.Ф.* История Сибири. М., 2000. Т. II.
- Миллер Г.Ф.* Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сие время. СПб., 1787.
- Муравьев Вл.* Дорогами Российских провинций. Путешествия Петра-Симона Палласа. М., 1977.
- Научное наследие П.С. Палласа. Письма. 1768—1771 гг. СПб., 1993.

Новейшее и достоверное описание тибетского государства, доселе европейцам столь мало известного, но столь часто ими упоминаемого, о Далай-ламе, его законах и его поклонниках и пр. сообщенное в 1777 году г. Стюартом в письме к Лондонскому Королевскому ученому обществу, а от оного изданное во втором томе транзакций на 1778 год // Академические известия. СПб., 1779. Ч. 1. С. 257–280.

Ольденбург С.Ф. Новейшая литература о Тибете // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1904. С. 129–168.

Опись Азиатского музея. Статьи VI, VII / МАЭ РАН. Отдел учета и хранения.

Опись коллекции № 719 / Перерегистрировала Л.Л. Викторова. 1979.

Палаты Санкт-Петербургской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры. СПб., 1741.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям российской империи. СПб., 1809.

Пекарский П. История Императорской Академии наук. СПб., 1870. Т. I.

Петри Е.Л. Ф.К. Руссов // Сб. МАЭ. СПб., 1911. Т. 1. Вып. 10.

Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. СПб., 1899. Т. 2.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М., 1964. Т. 8.

Решетов А.М., Станюкович Т.В. К 100-летию создания этнографического и антропологического центра Академии наук // Сб. МАЭ. Л., 1980. Т. XXXV. С. 6–10.

Руссов Ф.К. Путеводитель по Музею Имп. Академии наук по антропологии и этнографии. СПб., 1891.

Смагина Г.И. Г.Ф. Миллер — автор проекта школьной реформы в России 60-х гг. XVIII в. // Г.Ф. Миллер и русская культура. СПб., 2007. С. 103–117.

Соколовский Г.Н. Антонио де Андрада в Тибете // Известия Гос. РГО. Л.; М., 1926. Т. LVIII. Вып. II. С. 3–48.

Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии Наук. М.; Л., 1953.

Тихонов И.И. Сокровища Азиатского музея и их собиратели // Сб. МАЭ. Л., 1973. Т. XXIX. С. 4–33.

Тихонов И.Л. Г.Ф. Миллер как археолог // Г.Ф. Миллер и русская культура. СПб., 2007. С. 84–97.

Ученые-исследователи Калмыкии (XVII — начало XX вв.). Элиста, 2006.

Шафрановская Т.К. I Монголист XVIII века Иоганн Иериг // Страны и народы Востока. М., 1965. Вып. IV. С. 155–163.

Шафрановская Т.К. Первый хранитель МАЭ Ф.К. Руссов // Сборник МАЭ. Л., 1980. Т. XXXV. С. 224–229.

Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1990.

Bargiacchi E.G. A bridge across two cultures. Ippolito Desideri S.J. (1684–1733). Firenze, 2008.

Becker F., Thieme U. Allgemeines Lexikon der bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart. 37 Bde. Leipzig o. J. (Nachdr. d. A. 1907–50).

Georgii A. Alphabetum Tibetanum. Romae, 1762.

Hakman J.F. Nachrichten betreffend die Erdbeschreibung, Geschichte und natürliche Beschaffenheit von Tybet // Neue nordische Beyträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie. Bd. IV SPb.; Lpz., 1783.

Musei Imperialis Petropolitanae. Vol. 1–2. SPb., 1741–1745.

Pallas P.S. Des Befchreibung tangutifchen Büffels // Neue nordische Beyträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie. Bd. IV. SPb.; Lpz., 1783. P. 1–28.

Pallas P.S. Merkwürdigkeiten der Mordvanen, Kasaken, Kalmücken, Kirgisen, Baschkiren etc. Frankfurt; Leipzig, 1773.

Pallas P.S. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. St.Petersburg, 1773. Т. 1.

Pallas P.S. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. St.Petersburg, 1773. Т. 2.

Pallas P.S. Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Volkerschaften. Album. St.Petersburg, 1801.

Pallas P.S. Second voyage de Pallais, ou voyages entrepris dans les pays méridionaux de l'Empire de Russie. Paris, 1811.

Russow Fr. Beitrage zur geschichte der Ethnographischen und antropologischen sammlungen der Kaiserligchen akademie der wissenshaften // Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. СПб., 1900. Вып. I.